

04.12.2014, 12:35 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Даниил Константинов: «Планировалось „Болотное дело“ справа»

После двух лет в СИЗО **Даниил Константинов** был **освобожден** после неожиданного решения суда и уехал в Таиланд. Осужденный по одному из самых абсурдных политических дел рассказал ОВД-Инфо о причинах преследования, расследовании дела и жизни за решеткой.

Как долго вам придется находиться за границей?

— Я не знаю точно. Во многом это будет зависеть от того, как будут развиваться события в России. Мне пришлось уехать, поскольку вокруг меня и моей семьи сложилась очень напряженная ситуация. Велась слежка, звучали угрозы со стороны сотрудников силовых структур. Если такая ситуация будет сохраняться и усугубляться,

в ближайшее время я в Россию не вернусь. Хотя точно сказать не могу. Все возможно.

Чем вы занимаетесь сейчас, что планируете делать?

— Сейчас я просто отдыхаю и восстанавливаюсь после тюрьмы. Не забывайте, перед отъездом мне пришлось провести в СИЗО больше двух с половиной лет по ложному обвинению. А теперь я наслаждаюсь всем тем, чего у меня так долго не было: обществом близких людей, воздухом, солнцем, возможностью свободно передвигаться. Конечно, все это не может продолжаться бесконечно долго. Восстановив силы, я вернусь к активной общественной деятельности. У меня есть желание наладить контакт с российскими политэмигрантами, которых за границей уже не так и мало. Вместе мы что-нибудь придумаем.

Понятно ли уже, как юридически оформить длительное пребывание за границей?

— Мы будем все оформлять в соответствии с законодательством стран пребывания. Я планирую немного попутешествовать. Не знаю точно, как это будет выглядеть и сколько стран мы посетим. Что касается работы, то этот вопрос я тоже буду решать со временем. Пока об этом говорить рано.

Продолжается ли до сих пор слежка за вами? Чем она может быть мотивирована?

— Похоже на то, что слежка продолжается. Спецслужбы предпочитают держать под контролем активных оппозиционеров даже за границей. Собирают сведения, кто чем занимается, опасен ли тот или иной человек. Обычная оперативная работа. Но нельзя полностью исключать и возможности подготовки новых провокаций. Человека можно подставить даже тогда, когда он находится за границей. Поэтому я и привлек к данной

теме внимание СМИ и общественности, чтобы предупредить возможные провокации.

Как происходило задержание в марте 2012 года?

— Задержание проходило в форме штурма квартиры, где я в то время проживал. Сначала хитрецы-полицейские попытались меня выманить из квартиры при помощи дворника, который заявил, что я должен переставить машину, мешающую снегоуборочной технике. Я заподозрил неладное и не поддался на эту уловку, оставшись в квартире. Тогда опера начали ломать двери. Как я потом понял, меня пытались выманить, чтобы предварительно обработать, пока никто не знает о моем задержании, и привести меня в отдел уже с явкой с повинной, как это часто и делается. Людей задерживают, пытаются, заставляют признаться в каких-то преступлениях, а потом уже объясняйся, что ты невиновен. В этот раз у них не получилось. За время, пока шел штурм квартиры, я успел вызвать адвоката, оповестить родственников, соратников и журналистов. Думаю, это меня и спасло. Когда они меня задержали, то уже не решились на открытые насильственные действия.

Как проходили следственные действия, в чем они заключались, как себя вели следователи и оперативники?

— Сначала от меня требовали дать информацию об участниках протестного движения. Так и сказали: «Ты нам не нужен. Даешь нам расклады на этих людей и идешь домой», — и показали фотографии людей в толпе митингующих. Я сразу отказался. Больше того, вообще перестал обсуждать с ними эту тему, потребовав объяснить мне, на каком основании я задержан и в чем обвиняюсь. На что мне ответили: «Упрямишься? Значит, будешь сидеть за других». После этого началось опознание. Привели лжесвидетеля Андрея Софронова, который находился в состоянии наркотического

опьянения, и начали его допрашивать. Следователь и оперативники его инструктировали по поводу того, какие именно показания надо давать, давили на него, кричали. А в итоге и вовсе записали его показания по-своему. Он же их подписал, не глядя.

Мне даже толком не объяснили, в чем я подозреваюсь, не указали дату преступления. Софронов не вспомнил ни день, ни время преступления, что нашло свое отражение в протоколах следственных действий. Там было указано «в начале декабря 2011 года». То есть я не мог дать никаких внятных показаний, не зная даже даты преступления. Все это безобразие вылилось в открытый конфликт, а я в итоге вообще отказался давать показания. В конце концов я был официально задержан и препровожден в ИВС.

По дороге в следственный отдел оперативники мне угрожали, требовали дать показания, «разговориться». Но абсурд состоял в том, что я не знал, о чем мне давать показания.

Только на следующий день во время судебного заседания я точно узнал, в чем именно подозреваюсь и когда произошло вменяемое мне преступление. Но слушать меня никто не захотел. Когда адвокат заявил о наличии у меня алиби, судья ответила просто: «Мне пофигу».

Как менялись формулировки обвинения?

— Судя по материалам дела, изначально меня там вообще не было. В первых протоколах допросов Софронова говорится о том, что он не видел убийства и не знал, что произошло с убитым Алексеем Темниковым, поскольку убежал с места происшествия. О смерти Темникова он узнал от сотрудников полиции. Дословно! Затем, ближе к концу декабря 2011 года, когда уже **произошел** знаменитый разговор с сотрудником Центра «Э» и я отказался от сотрудничества, появился рапорт Центра

«Э» о моей возможной причастности к преступлению. То есть ложный донос на меня был спущен местным оперативникам из Центра «Э».

А затем последовало продолжительное затишье. Уже в начале февраля 2012 года происходит новый допрос Софронова, на котором он якобы опознает меня как участника драки и человека, который «присутствовал при нанесении удара Темникову» другим лицом. Здесь уже появляюсь я как участник драки и свидетель убийства Темникова. Видимо, на тот момент такая версия устраивала заказчиков фальсификации.

В конце февраля я принял участие в нескольких митингах протеста, работал в Гражданском Совете (орган управления протестным движением), готовил вместе с товарищами крупные акции протеста, которые должны были состояться в начале мая 2012. В этот момент оперативники решили изменить мою роль в инкриминируемом преступлении. 21 марта был проведен очередной допрос Софронова, и из «участника драки» и якобы свидетеля убийства я превратился в основного подозреваемого. А на следующий день меня задержали.

Потом началась долгая неразбериха с квалификацией преступления. Сначала меня обвиняли по ч. 1 ст. 105 УК с идиотской формулировкой об убийстве «из внезапно вспыхнувшей личной неприязни» к незнакомому человеку. Но на следующий день после моего избрания в Координационный совет оппозиции мне изменили квалификацию на более тяжелую — «убийство из хулиганских побуждений» (ч. 2 ст. 105 УК — ОВД-Инфо) и добавили мне ст. 296 УК — угроза следователю. Новая квалификация обвинения и новая статья давали мне право потребовать рассмотреть мое дело с участием присяжных заседателей, что я и сделал. Однако «правоохранители» не решились выходить с таким делом в суд присяжных

и пошли на беспрецедентные меры. Они срочно сняли с меня обвинение в угрозе следователю и смягчили мне обвинение, чтобы передать дело в районный суд — ручному, управляемому федеральному судье. Когда это выгодно обвинителям, они готовы пойти на что угодно, вплоть до смягчения и снятия тех или иных обвинений.

Как происходило ознакомление с материалами дела?

— Я чувствовал себя каким-то врагом государства номер один. Вот характерный пример. На майские праздники следственный корпус «Матросской тишины» обычно закрывается. Следственные действия не проводятся. Никого не знакомят с материалами дела. Но только не Даниила Константинова!

Меня единственного из всего СИЗО выводили на следственный корпус и знакомили с материалами. Представьте себе, все отдыхают, никого нет. На следственном корпусе не работает свет. И только меня одного ведут и заставляют знакомиться с материалами уголовного дела. Но это только легкий штрих. Странности были и в другом. Меня дважды ограничивали в ознакомлении, укрыли от меня некоторые вещдоки, с которыми я так и не познакомился. Обвиняемого дважды судили, так и не ознакомив со всеми материалами уголовного дела и с вещественными доказательствами! А потом эти вещдоки и вовсе пропали. Исчезли прямо в суде!

Не удалось и ознакомиться со всеми аудио-видео материалами в деле. Следствию явно не хотелось, чтобы я лично просматривал все записи с камер видеонаблюдения у метро «Улица Академика Янгеля» (где произошло убийство Темникова — ОВД-Инфо). Тем не менее, с частью записей я ознакомился и увидел на них людей, подходящих под первоначальное описание Софроновым нападавших, и тут же ходатайствовал о поиске этих людей. Естественно, никто их искать не стал.

Как с вами обходились в СИЗО, менялось ли отношение сотрудников, сокамерников?

— В СИЗО со мной обращались нормально. Правда, первоначально на меня оказывалось кое-какое давление. Угрожали, устраивали провокации, настраивали против меня сокамерников. Все это продолжалось в течение предварительного следствия и прекратилось после того, как дело передали в суд. Сокатерники почти всегда относились хорошо. К политзаключенным в российских тюрьмах вообще относятся с пониманием. Это связано с тем, что общее отношение заключенных к государству в России скорее отрицательное.

По поводу провокаций особо распространяться не стану. Их было много. Вот только один пример. Через несколько месяцев моего пребывания в СИЗО меня перевели в камеру, где были одни кавказцы, и стали распространять слухи, что я — ужасный скинхед. Каждый день оперативник вызывал смотрящего за камерой и рассказывал ему обо мне всякие небылицы, настраивал против меня. В итоге они перестарались. Провокации против меня стали настолько явными, что арестанты перестали обращать на них какое-либо внимание. Кстати, это распространенный случай запрессовки русских националистов. Часто их по одному бросают в камеры к кавказцам и азиатам, а дальше уже дело техники. Мне помогло еще и то, что я не радикал. Я никогда не участвовал ни в каких насильственных акциях, придерживаюсь умеренных взглядов. Люди это понимали. Поэтому грубые провокации оперативников и не удавались.

Как протекал обычный день в СИЗО?

— Попробую описать. В 6 утра должен быть подъем, но никто в нашем изоляторе не вставал. Такое было положение в нашей тюрьме. В 7:30 — завтрак. В 8 утра начиналась прогулка, а затем примерно в 10 часов

утренняя проверка. Дальнейший распорядок дня зависел от того, участвует ли заключенный в следственных действиях. Если участвует, то его забирают на следственный корпус. В противном случае он остается в камере до вечера. Я обычно находился в камере. Почему-то никто не горел желанием проводить со мной следственные действия. Оно и понятно. Зачем проводить следственные действия, если следствие — липа и все уже давно предрешено?

За время своего нахождения под стражей я подал десятки ходатайств с просьбой провести те или иные следственные действия. Почти всегда мне отказывали. Я четыре раза просил провести проверку моих показаний на месте, предлагая показать следствию весь свой маршрут 3 декабря 2011 года, места, в которые я заезжал, ресторан, в котором мы праздновали день рождения моей мамы, столик, за которым мы сидели. Мне так ни разу и не дали это сделать. Следствие категорически не хотело закреплять доказательства защиты. Вот другой пример — в течение двух лет мы просили следователей получить биллинг моего телефона с выходами в интернет с привязкой к базовым станциям сотовой связи. Это могло сразу же и стопроцентно подтвердить мое алиби. Следствию было известно, что все остальные биллинги всех свидетелей, подтверждающих мое алиби, полностью подтверждают их показания. На такой риск следствие пойти не могло. Без объяснения причин они всякий раз отказывали мне в этом ходатайстве. Хотя, казалось бы, кто, как не следователь, должен быть заинтересован в получении максимальной информации по делу. Вот почему мне приходилось обычно бывать в камере. Следствие избегало любых следственных действий со мной. А я читал, писал статьи и жалобы, занимался физкультурой. Так обычно и проходил мой день.

Были ли препятствия для свиданий?

— Препятствий для свиданий не было. Но я не очень-то и хотел, чтобы мои близкие приходили в тюрьму. Дело в том, что помещение для свиданий в «Матросской тишине» имеет очень удручающий вид. Обшарпанные, темные и влажные стены. Приглушенный, неприятный свет. Общение с родными происходит по телефонной трубке и через стекло. Очень мрачно и никакой конфиденциальности (разговор-то слушается). Мне не хотелось, чтобы у моих родных сложилось впечатление, что во всей тюрьме так мрачно, что я сижу в таких условиях. Поэтому после первого свидания с мамой я не стал повторять этот опыт.

Как с вами обходились конвоиры?

— И конвоирование заключенных, и их содержание в судах и на сборках в тюрьме оставляют желать лучшего. Особенно это касается подсудимых. У них особый режим доставки в суды. Людей поднимают в семь часов утра и отводят на сборки (сборные помещения), где они могут провести несколько часов. В такую сборку могут набить несколько десятков человек, среди которых бывают туберкулезники с открытой формой. То есть создаются все условия для массового распространения такого страшного заболевания. Халатность сотрудников СИЗО и их безразличие к судьбам заключенных приводят к тому, что многие люди заболевают туберкулезом, а потом выходят на свободу и несут его «в массы».

После сборки людей так же толпой сажают в автозаки, где все опять-таки сидят вперемежку, включая туберкулезников, что запрещено правилами перевозки подсудимых и подсудимых. Но это никого не смущает. Набитый людьми автозак начинают возить по всей Москве по разным судам.

Этот процесс может занять несколько часов. Довольно мучительный процесс! Ну, а затем ты попадаешь в конвойное помещение суда, где тебя опять-таки сажают

в душный и тесный бокс. Чемпионом по дискомфортности среди конвойных помещений являются боксы Мосгорсуда, в которых человек может провести несколько часов в условиях жуткой гиподинамии. Маленькая скамеечка на одного человека и небольшое пространство рядом, чтобы стоять, — вот и весь бокс. Там нельзя ни ходить, ни лежать. В такие боксы сажают обычно по два человека. В подобном помещении я однажды провел восемь часов. На самом деле, это пыточные условия содержания, что и признано Европейским судом по правам человека.

В конвойных помещениях людей частенько избивают, иногда очень жестоко. Как правило, бьют за отказ раздеваться. Бывает, что конвойные просто провоцируют подсудимых, а потом сами же их и избивают. В конвойном полку есть особый карательный отряд — Группа немедленного реагирования. Они проявляют какую-то невиданную жестокость в избиениях подсудимых. Я знаю случаи, когда людей увозили в больницы после встречи с этой группой ретивых конвойных. Они могут избивать людей часами, приковывать наручниками к лавкам, насильно сажать на шпагат.

Именно эту группу прислали ко мне на приговор 26 декабря 2013 года. Не хочется рассказывать о том, что происходило в конвойном помещении в тот день. Слишком это неприятно. Если вкратце, спецназовцы спровоцировали конфликт, а потом сами же и применили ко мне спецсредства. Били электрошокером, поставили на растяжку, растянув руки в разные стороны наручниками (так я провел несколько часов), угрожали сексуальным насилием. Все это было направлено на то, чтобы подавить мою волю перед приговором, заставить меня молчать и вести себя тихо.

Недавно отец убитого обжаловал приговор. Известно ли что-то о развитии ситуации?

Очень странная ситуация. Более двух с половиной лет отец убитого не проявлял никакого интереса к делу.

Не знакомился с материалами дела (ему дважды предлагали), не ходил на суды, не пришел даже на приговор. Полное безразличие! Жаловался, что у него нет адвоката (он работает простым монтажником).

И вдруг, после того как меня выпустили, он заинтересовался этим делом и у него появился адвокат, который обжаловал приговор. Все это выглядит как-то странно. Я предполагаю, что на него оказали воздействие и убедили в том, что нужно обжаловать приговор.

Получается, все это произошло с вами просто потому, что вы отказались стучать Центру «Э»? Многих вербовали во время протестов, далеко не все соглашались, но так жестоко досталось только вам.

— Вам не кажется, что это вопрос не ко мне? Вам лучше обратиться в ГУПЭ МВД к генералу Смирнову или полковнику Диденко, которые вели разработку этого дела. Или в управление «М» ФСБ России, которое вело оперативное сопровождение по этому «обычному делу о бытовом убийстве». У меня есть только предположения. Дело не только в отказе от сотрудничества. Многим в спецслужбах и в администрации не понравилось появление «Лиги обороны Москвы», которая представлялась им чем-то вроде боевого крыла национальной оппозиции. Именно представлялось, поскольку в действительно лига действовала исключительно в легитимном поле. Особенно беспокойство властей усилилось после того, как мы решительно влились в ряды протестного движения. Это стало сигналом к атаке. Именно после моего участия в митинге 5 декабря 2011 года «За честные выборы», когда мы с товарищами возглавили одну из колонн протестующих, со мной была проведена беседа (в ту же ночь) и предложено сотрудничество.

Вам эти доводы могут показаться неубедительными. В этом случае вы можете обратиться к материалам дела, в которых сохранились некоторые документы Центра «Э». В них рисуется страшный, демонический образ Даниила Константинова. Руководитель какого-то мифического подполья. Проводит массовые акции протеста и сам же их финансирует при помощи каких-то финансовых схем и аффилированных предприятий! Организует пиар-кампании в СМИ и финансовую помощь лицам, осужденным за экстремизм. Вы только вдумайтесь! Что им мерещилось в моем лице?! Разумеется, все эти сведения в дальнейшем не нашли никакого подтверждения. Но видно одно: планировался большой политический процесс против национального крыла оппозиции. Что-то наподобие «Болотного дела», только справа. В этих документах указан не только я, но и мой отец и ряд других деятелей и организаций русского национального движения. А дело об убийстве должно было выступить основным крючком для меня и формой давления.

Но когда выяснилось, что у меня есть алиби и дело приобрело скандальный характер, было принято решение проводить его втихую, не привлекая большого внимания. Большой процесс тоже не удавалось провести, поскольку не за что было зацепиться. Совсем! Поэтому они просто стали додавливать дело.

Чем занималась «Лига обороны Москвы»?

— Нам удалось раскрутить новую политическую организацию буквально за пару месяцев. На первую же нашу акцию — «Марш против этнопреступности» — без особой подготовки нам удалось вывести около тысячи человек. И это была молодежь. Молодые пассионарные ребята, которые по своему темпераменту отличались от обычного контингента Болотной. Такая организация в дальнейшем могла бы стать серьезной силой в составе

протестного движения. А потом пошла кампания «Хватит кормить Кавказ», которая очень не понравилась властям. На эту тему высказывались и Путин, и Медведев, и даже Кадыров. Звучали радикальные антикремлевские лозунги «Хватит кормить партию жуликов и воров», «Хватит кормить Кремль» и т. д. Но нам не дали толком развернуться. Спустя пять месяцев после начала моей активной общественной деятельности меня уже арестовали.

В одном интервью ваш отец, описывая возможные причины вашего ареста, говорил: «Он всегда отвергал любые формы сотрудничества со спецслужбами. Поверьте, это не так часто встречается в националистическом сегменте оппозиции». Это действительно так?

— Я не могу ответить что-то конкретное. У меня нет доказательств, а выдвигать голословные предположения я не люблю.

Как лучше действовать протестным группам сейчас в России?

— Надо хоть как-то действовать, а не сидеть сложа руки. И еще один важный момент: необходимо самим формировать и навязывать свою повестку дня, а не плестись в фарватере гостелерадио. Все это навязанные дилеммы и конфликты, из-за которых оппозиция раскалывается. Пока что оппозиция действует в реактивном режиме, лишь реагируя на сигналы сверху. Это касается в том числе и украинской проблемы. Надо было не раскалываться по этому вопросу, а дожимать власть по своим вопросам. Я принципиальный сторонник идеи объединенной оппозиции.

Дело Константинова

